

Максим Кантор: прогресса в искусстве не существует

КоммерсантЪ - daily. - 1997, - 19 нояб. - с. 13

Вчера в Музее личных коллекций при ГМИИ им. Пушкина открылась выставка Максима Кантора, на которой представлены живопись и офорты последних лет. Своими взглядами на искусство МАКСИМ КАНТОР согласился поделиться с нашим корреспондентом МИЛЕНОЙ ОРЛОВОЙ.

— Как случилось, что проведя так много выставок на Западе, вы открываете свою первую персональную выставку в России только сейчас?

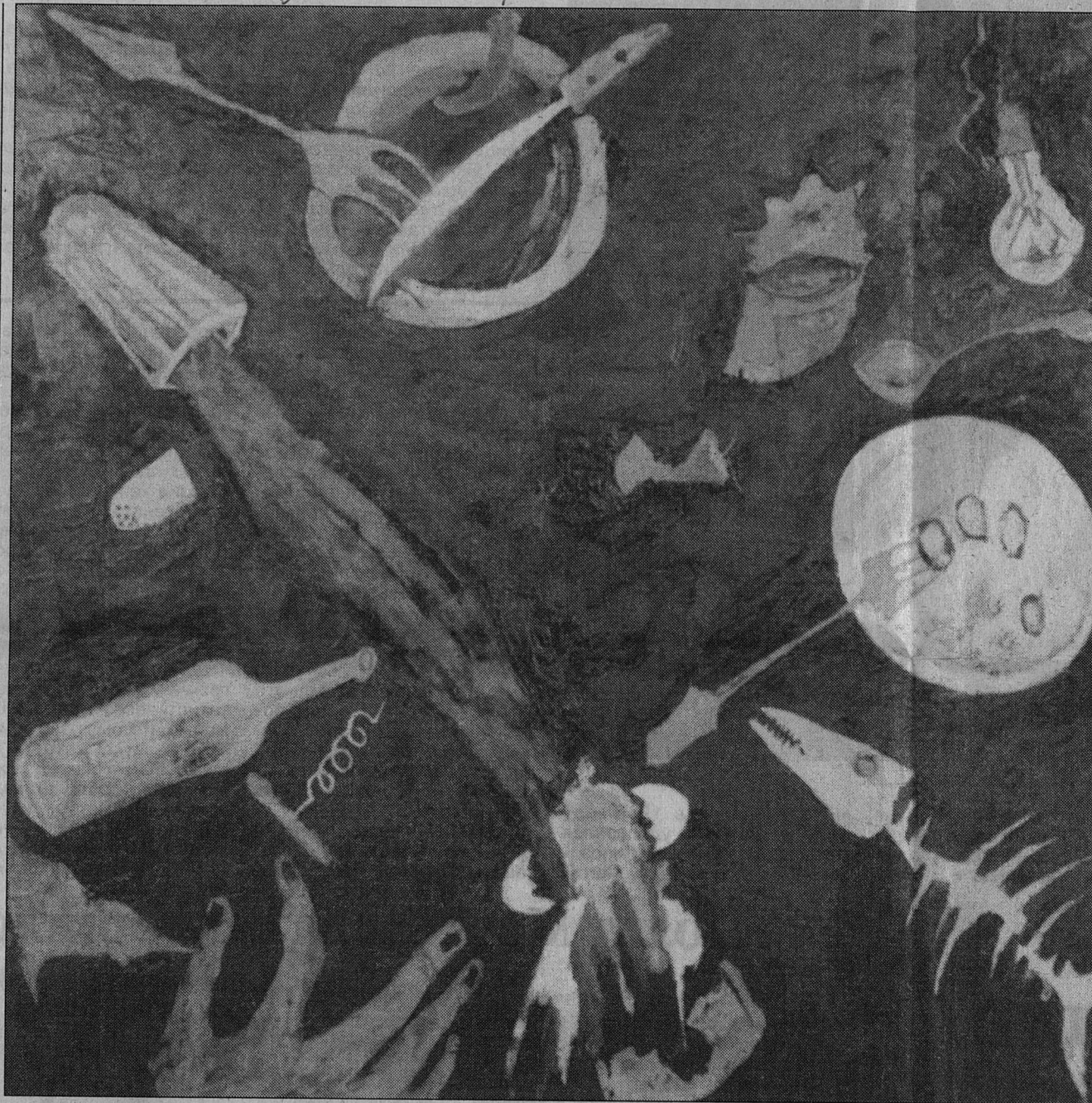
— Мне, честно говоря, просто не хотелось делать здесь выставки из-за всеобщего вранья, из-за общей ситуации морoka. К тому же всегда стараясь выставляться в Европе в музеях, я не видел в Москве другого достойного партнера, кроме Пушкинского музея. Поэтому я ждал, когда это будет возможно. Пушкинский музей был местом, обозначенным в турне выставки, которая до того прошла по ряду музеев Европы — Берлина, Люксембурга, Лондона, Лозанны и др. Более того, выставка не только завершает это турне, но и открывает новое, которое пройдет по Великобритании и Америке. В этом смысле Пушкинский музей становится закономерным этапом.

— К какому направлению в современном искусстве вы можете себя отнести? Или вы считаете себя одиночкой?

— Считаю себя одиночкой. Я не отношу себя к направлениям. Принадлежность к направлению устанавливается впоследствии. Я, безусловно, ни в какой круг не вхожу и, более того, находиться в кругу мне всегда утомительно. Разделять общие пристрастия для меня всегда было делом крайне не-симпатичным. Вообще, если говорить о самом общем и кардинальном направлении, я считаю, что то, что я делаю, — это реализм. Но не стилистический — стилистически я использую и экспрессионизм, и элементы сюрреализма. Впрочем, термин «реализм» я понимаю весьма широко, а вовсе не как характеристику стиля, обозначившегося в XIX веке. Для меня реализм — вещь гораздо более значительная и с гораздо более долгой и волнующей историей, нежели история какого-либо направления или школы.

— В таком случае любой художник — реалист? Или речь все-таки идет о совокупности каких-то приемов, как, например, фигуративность?

— Этот слишком глубокий вопрос, чтобы ответить на него сразу и быстро. Реализм не есть совокупность приемов, выработанных передвижниками. Это не есть жанровое бытописание. Для меня реалистами являются и Фидий, и Микеланджело, и Шекспир, и Рабле, и Сервантес, и Гойя, и Ван Гог. Эти художники описывают жизнь духа, реальность жизни духа, воплощают эту жизнь духа. И именно это воплощение — перевод духа в некое тело — для меня является критерием реализма. Это, как вы видите, достаточно широкое понятие.

Максим Кантор уверен, что искусство не колбаса, а дух. Что не мешает ему обращаться к самым прозаическим сюжетам. «Обедни». 1992 год. 150 x 150

Оно неизбежно связано с антропоморфностью, я не употребляю слова «фигуративизм», а скажу «антропоморфность». Более того, дух отливается в тело в искусстве стран христианского мира по той же самой причине, по какой Бог-сын принял обличье человека, по той самой причине, что земные печали и радости, доступнее к пониманию, облаченные в живую, понятную человеку форму.

— Считаете ли вы, что картина остается главной формой современного искусства?

— Если ваш вопрос содержит другой — почему вы занимаетесь живописью, которой и так было много? — я отвечу, что всего было много: инсталляций, концептуализма, минимализма. Речь можно вести вообще о различии или тождестве людей. И, как правило, больше похожего, чем

розного. Зайдите на любую выставку минимального искусства — и вы увидите гораздо больше подобий, чем отличий. Я считаю, что прогресса в искусстве не существует, если прогресс, как хочется думать, в христианской цивилизации направлен на то, чтоб каждый человек стал свободно мыслящей личностью. Такого прогресса я не вижу.

— Можно, например, считать прогрессом обособление станковой картины в эпоху Возрождения.

— Картина, как вы знаете, появилась значительно раньше чем ее датируют. Она уже была в Древней Греции.

— Но, к сожалению, до нас не дошли эти образцы.

— До нас почти не дошел философ Протагор, но это не значит, что его не существовало. В пределах истории христианского мира я бы не

стал квалифицировать перемены в искусстве как прогресс или регресс, хотя это безусловно движение, изменение. Я бы характеризовал искусство как пребывание в мире.

— Можно ли сказать, что вы традиционалист?

— Я не говорил, что я традиционалист. Я не говорил, что традиция для меня важнее всего в искусстве. Я могу сказать только, что не считаю модным, что должно стимулировать искусство. Я считаю, что процесс искусства неделим и не нарезаем, как колбаса, на десятилетия и направления.

— Но это делается просто для удобства усвоения.

— Мне гораздо удобнее его не нарезать.

— То есть, продолжая вашу метафору, вы предпочитаете есть колбасу целиком?

— Да, потому что искусство не едят, если речь идет о духе, а не о колбасе. А нормальную колбасу удобнее все-таки есть нарезанной. Если искусство — это все-таки не колбаса, а, извиняюсь за выражение, дух, то его все-таки резать не надо.

— Но если вы хотите обучить истории искусства, то без какой-то системы «нарезки» не обойтись.

— Безусловно, но обучение истории искусства невозможно без обучения просто истории, философии и литературе и всему тому, к чему искусство прилагалось. Нельзя говорить об изучении истории искусства последних ста лет при полном незнании того, что происходило пятьсот, шестьсот лет назад.

— Вы занимаетесь не только живописью, но и излагаете свои взгляды в виде публицистических статей. Вам недостаточно художественного высказывания?

— Помимо живописи, я занимаюсь и литературой. Что касается газет, то у меня было всего было пять или шесть статей — это просто реплики. Я могу нарисовать карикатуру на своего племянника, но это не значит, что я карикатурист.

— А что тогда вы подразумеваете под занятиями литературой? В каком жанре вы работаете? Вы пишете романы?

— Сборник моих рассказов опубликован в 1993 году, сейчас готовится сборник пьес и, кроме того, книга. Ее жанр я затрудняюсь определить — скорее всего, это эссе об истории искусства XX века.

— Спорите ли вы в этой книге с общепринятыми взглядами на историю искусства XX века, с существующими концепциями?

— Я бы не хотел сейчас об этом распространяться.

— Если в двух словах?

— Если бы я мог сделать это в двух словах, я бы не стал писать книгу.

— Но все же — будут ли там какие-то новые идеи, в частности, об отсутствии прогресса?

— Если очень грубо и суммарно, то я считаю авангард начала века чисто почвенническим явлением.

— Чего вы ждете от этой выставки, какого круга посетителей, какого резонанса?

— Я жду совершенно иного круга посетителей, чем тот, что сформировался вокруг московских галерей за последние десять лет. Это не будут примелькавшиеся персонажи галерейной жизни, переходящие с вернисажа на вернисаж, и это не будут чиновники, разрезающие ленточки по торжественным случаям. Я надеюсь, что это будут те самые люди, которые 15–20 лет назад были основными посетителями выставок Пушкинского музея и не ходили на галерейные и манежные открытия последнего времени. Вот этих вот ученых, врачей, преподавателей, историков, философов, филологов — словом, тех, кто интересуется искусством и хочет узнать, что оно существует, я думаю, моя выставка и привлечет.